

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ИНСТАНЦИЯ

Казнить нельзя помиловать

Гость «Московской правды» Анатолий ПРИСТАВКИН

— Анатолий Игнатьевич, кабинеты, в которых я обычно встречалась с писателями, разительно отличаются от того, где мы сейчас беседуем. И его масштабы, и официальная обстановка отнюдь не располагают к творчеству, к уединению, которое для этого необходимо. Что заставило вас поменять письменный стол писателя на аппараты председателя комиссии по помилованию?

— Никаких благ ни этот кабинет, ни мой нынешний пост не дают. Наоборот, я и члены нашей комиссии здесь буквально сжигаем себя. Но бывают в жизни моменты, когда понимаешь, что нельзя сказать: не могу. Очень четко сформулировал наши общие мотивы Лев Разгон: «Сил нет, но отказаться не имею права».

Когда два года назад ко мне пришел председатель комитета по правам человека Сергей Адамович Ковалев с предложением от Ельцина возглавить комиссию по помилованию, я долго не соглашался. Но потом понял, что в наше очень жестокое время в стране с несовершенными судебными органами, прокуратурой, системой лагерей от вновь созданной независимой общественной комиссии, которая станет единственным звеном между заключенными и президентом, зависят судьбы многих людей. И, очевидно, Господь Бог посылает меня туда, где я должен исполнить свой долг, где можно осуществить право человека на милосердие.

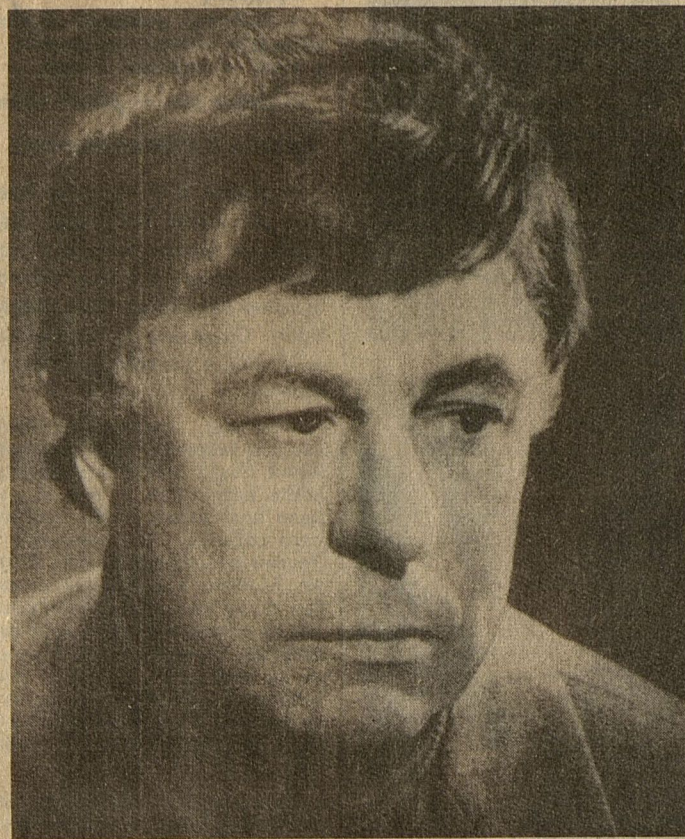
Очень важным стало для меня и то, что мне предоставили право самому формировать комиссию. В нее я пригласил тех, в кого верю, кого знаю как честных, бескомпромиссных людей. Они взвалили на себя тяжелую психологическую, моральную ношу, причем работают на общественных началах, бесплатно. Мало того, когда я предложил им хотя бы компенсировать деньги, которые они тратят на бензин, Булат Окуджава заявил: «Если мне заплатят хотя бы рубль, я уйду». Примерно так же высказались и остальные члены комиссии. По моему убеждению, человеческие судьбы должны решать люди абсолютно бескорыстные, заботящиеся только о нравственных проблемах.

Мы не подменяем судебные органы, не оказываем на них давления, не вмешиваемся в ход следствия. Наша комиссия лишь осуществляет конституционное право человека на помилование. И даже если осужденный об этом не просит, ни одно дело приговоренных к высшей мере не может пройти мимо нас. Поэтому что любой, кто попал в бедственное положение, каким бы извергом он ни выглядел в глазах общественности, имеет право на милосердие, на помилование.

— Словом, на вашу комиссию ложится ответственность поставить запятую в фразе: «Казнить нельзя помиловать». Однако эта задача во сто крат сложнее той, что встала перед двоечником на Острове Ошибок в известном мультфильме. В вашей ситуации ошибок быть не должно, ведь от этого зависят человеческие судьбы. Какими принципами вы руководствуетесь? И как можно говорить о милосердии, когда дело касается таких людей, как Чикатило?

— Кстати, еще задолго до начала работы комиссии я написал повесть «Казнить нельзя помиловать». Что же касается Чикатило, то ему наша пресса уделила слишком большое внимание. Маньяки были всегда и во всех странах, хотя не столько, сколько сейчас у нас. Однако теперь люди на каждое убийство смотрят, примеряя его к Чикатило. Даже моя семья, мои близкие, друзья не понимают: как можно миловать убийц, насильников? Но такая реакция — лишнее подтверждение тому, что люди ожесточились, и отсюда — рост преступности. Какой-то замкнутый круг.

К Чикатило, дело которого, кстати, мы рассматривали буквально на днях, у меня, как и у членов комиссии, не было никакой жалости. Нас волновала только медицинская сторона дела, но большинство врачей, результаты экспертиз свидетельствуют, что он вменяем, действовал продуманно и хладнокровно. Хотя для того, чтобы отпала даже малейшая сомнения, необходимо было бы заключение внегосударственной

независимой медкомиссии. Но наряду с Чикатило сидят еще 400 смертников, и нельзя на каждого смотреть, как на маньяка.

К примеру, такой случай. Вернулся человек из лагеря, женился, начал строить дом. А ближние жену настраивают, мол, как ты могла выйти замуж за бывшего заключенного, он человек пропащий. И та в конце концов послушалась «добрых людей», надумала развестись. А для мужа это — полный крах, потеря всего. Ну и накатило — убил жену и двоих детей. Это семейная, человеческая драма.

Но мы рассматриваем дела не только смертников. Вот, например, выписка из одного дела: участник войны, инвалид, пенсионер, ранее не судим, хронический алкоголик, убийство по пьянке, за что осужден на 5 лет. Отсидел три с половиной года, несмотря на инвалидность, работает, лечится от алкоголизма. Должны ли мы помочь этому человеку?

Разные человеческие ситуации, драмы еженедельно доставляют в комиссию в голубой и зеленой папках. Начинаем обычно с зеленой, потому что, хотя она и тоньше по объему, отнимает большую часть энергии, сил. В ней — дела тех, кому вынесен смертный приговор. После нее голубая папка с прошениями о сокращении срока кажется «детским садом».

О милосердии говорят довольно часто, и это действительно очень нужное сейчас нашему обществу чувство. Но на словах гуманным быть легче, чем проявлять гуманность на деле. Это и является основной сложностью работы нашей комиссии. Кто-то не выдержал, ушел, и осуждать их за это нельзя. Я сам человек по натуре жалостливый, иногда, читая дела, ожесточаюсь. Однажды даже плакал, закрывшись дома в туалете — квартира маленькая, а на работе прочесть все документы не успеваешь.

Представьте такую ситуацию: мать троих детей и ее муж не, взлюбили одного ребенка. И стали его изводить, начиная с годовалого возраста: подвешивали на гвоздь, топили в корыте, сажали на горящую плиту, били кнутом... Мальчик чудом дожил до 5 лет, но, конечно, умер. Его мать осудили на 10 лет. И впервые я, человек, поставленный, чтобы миловать, заявил на комиссии, что срок этот слишком мал. Хотя дома осталось двое детишек и надо было бы ее помиловать, ведь муж умер еще во время следствия. Но как быть уверенным, что эта нелюдь не навредит оставшимся в живых детям?

Сам я слишком много в детстве пережил, и к издевательствам над детьми отношусь крайне болезненно. Хотя, пропустив этим летом одно из заседаний из-за того, что меня почти насильно на две недели отправили отдохнуть в Ялту, я очень переживал, что в мое отсутствие было рассмотрено дело одного смертника, и его прошение о помиловании не было удовлетворено. Возможно, мое слово спасло бы ему жизнь. А ведь он сбросил с балкона ребенка, правда, в невменяемом, подоретом алкоголем состоя-

нии. После заключения нашей комиссии президент решает вопрос о высшей мере, и пока не было случая, чтобы он оказался другого мнения, чем комиссия по помилованию.

— Очевидно, тот обширный, хотя и страшный человеческий материал, который вы сейчас изучаете, ляжет в основу ваших новых произведений? Ведь и роман «Ночевала тучка золотая...» — это не воспоминания о беззаботном счастливом детстве.

— Когда я шел сюда, то не предполагал в полной мере, какой материал попадет мне в руки. А когда соприкоснулся с ним, то пришел в ужас и, честно говоря, стал хуже думать о нашем обществе. Сейчас, правда, несколько привык, но каждую трагедию переживаю заново.

В настоящее время думать о том, что когда-то что-нибудь из этого станет литературой, нет ни времени, ни сил. Конечно, какие-то дела врезаются в память, кое-какие листки я откладываю, иногда даже кое-что записываю в специальную тетрадь. Но пока я не могу мыслить за пределами потока, в который попал. А это даже не грязный поток — выгребная яма, куда сливают ведрами, а мы черпаем ложками.

Работа в комиссии занимает от 8 до 12 часов в сутки, в выходные дни я также читаю дела, о психологических, эмоциональных нагрузках говорить, думаю, излишне. К тому же постоянно боюсь за семью, за членов комиссии — приходится испытывать все варианты любого типа давления. Согласитесь — не лучшая обстановка для творчества. Но я понимаю, что надо многим жертвовать, поскольку сейчас у меня другая миссия, нежели писательский труд.

— Неужели мы больше никогда не прочтем ваших новых произведений?

— Почему же — никогда? В наше время все очень быстро меняется. Стабилизируется и ситуация в нашем обществе. Россия станет правовым государством, и тогда все вопросы будут решаться, как в любой цивилизованной стране. Тогда отпадет необходимость в нашей независимой общественной комиссии по помилованию, которая нужна сейчас, в государстве, где все коррумпировано, куплено, где никому нельзя верить до конца.

— Боюсь, что вы слишком оптимистичны, и нам не дожить до столь благодатного состояния общества.

— Но тогда, возможно, на этом посту меня заменит другой человек, который также почувствует своим долгом положить жизнь во имя несчастных. А разве писатель не этим же занимается? Работа в комиссии по помилованию — продолжение того, что я делал раньше. И никто не знает, что более существенно: книга, достигшая человеческой души, или помощь этой душе непосредственным образом.

Однако в последнее время я все-таки кое-что писал. В еженедельнике «Книжное обозрение» в новогоднем номере опубликованы сказки, судьба которых сложилась почти столь же трагично, как и судьбы мо-

их подопечных. Слава Богу, их «помиловали», а ведь и произведения можно иногда приговорить к смерти.

Два года назад, отдыхая в Доме творчества в Риге, я вменялся в местные события и выступил по телевидению с призывом к русским солдатам не применять оружие. Конечно, определенным нашим органам это не понравилось. Опасаясь за своего ребенка, которому тогда было 4 года, я оберегал его, а «они» расправились с моими произведениями.

Тогда я впервые написал сказки, даже не написал — фантазировал. И в первый раз писал не на бумаге, а на компьютерных дискетах. И они оказались испорченными. Не знаю, что с ними делали, но из 80 страниц текста с компьютера мне удалось снять всего три с половиной. Это был смертельный удар. Я серьезно заболел и непонятно, как выжил.

Потом я упомянул об этом случае в интервью, и как-то навесил меня мой бывший выпускник Виктор Калитвинский (я веду семинар в Литинституте), который попросил дать ему дискеты, если они сохранились, поскольку он руководит электронным центром, где, возможно, записи восстановят. Я в это, конечно, не поверил — до этого обращался в различные спецлаборатории, в Академию наук. Однако, вернувшись из Германии, получил от жены конверт, на котором было написано: «Восстановлено». Дома у меня компьютера нет, но я договорился со знакомыми и просидел всю ночь, пока не распечатал все сказки на бумаге. К счастью, от радости я не заболел.

В прошлом году мне удалось побывать в отпуске, и я написал повесть «Радиостанция «Тамара». Правда, до сих пор никак не найду время, чтобы ее отредактировать. А когда доведу ее до ума, она будет напечатана в «Дружбе народов».

— Вы каждый день сталкиваетесь с самыми темными сторонами нашей жизни и все же верите в скорую стабилизацию общества. Однако в свое время вы сами были «сотрясателем основ» Союза писателей СССР. Отголоски того «землетрясения» слышны и сейчас, хотя писательский союз давно распался. Не погибла ли под его руинами наша литература?

— То, что должно было распасться — распалось. «Апрель», одним из основателей которого я был, выполнил свою роль — начал процесс демократизации Союза писателей СССР — официальной государственной структуры. Теперь он отстранен от борьбы, поскольку она превратилась в простой дележ имущества. Но остался альманах «Апрель», остались наши премии молодым талантливым писателям, наша помощь вдовам литераторов и ветеранам, о которых сейчас многие забыли.

Теперь много и справедливо говорят о том, что деятелям литературы, искусства в период новых рыночных отношений приходится туго. Действительно, «толстые» журналы еле сводят концы с концами, очень редкие издательства сочетают выпуск коммерческой продукции с выпуском новых книг отечественных писателей. Но таланты не перевелись, и это я вижу даже по ребятам из своего литинститутского семинара.

Однако почему-то дальше разговоров о бедственном положении литературы дело не идет. Многие литературные мэтры укажили за границу, другие заперлись в кабинетах или на кухнях и пишут свои «нетленки», пока — в стол. А ведь именно сейчас нужны конкретные действия. Есть фонды, готовые помочь людям «с божьей искрой», есть зарубежные меценаты, и не только фирма «Букер», учреждавшая (спасибо ей!) свои литературные премии. Недавно, например, у меня была одна шведка, которая предлагает бесплатно предоставлять на месяц молодым талантливым писателям Дом творчества. Существует и договоренность с одним из фондов, который может оплатить дорогу. Теперь инициативная группа — известные литераторы — будет отбирать кандидатов для творческой поездки в Швецию.

По-моему, очень простая истина: сколько ни говори, ни маши руками, ни ужасайся — лучше не станет. Нужно делать дело, работать, и тогда можно быть уверенным в завтрашнем дне.

Людмила ФОМИНА.